

Ю.В. СКОРОМОЛОВА
(Ульяновск)

**ПРОПОЗИТИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ
СУБЪЕКТА И СПОСОБЫ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ
СИТУАТИВНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ**

Обосновывается необходимость пропозитивного прочтения субъекта предложения, рассматриваются случаи ситуативной референтности субъектного имени, а также категории имен с очевидными событийными коннотациями.

Ключевые слова: пропозиция, семантика предложения, субъект, номинализация, ситуация, пропозитивная лексика.

Субъект составляет тот элемент текста, который обеспечивает отнесенность суждения к миру. Как считает Н. Д. Арутюнова, появлению в тексте конкретного субъекта предшествует информационная подготовка, обуславливающая семантическую структуру этого по своему существу ретроспективного, анафорического элемента и тем самым обеспечивающая ему выполнение определенных функций внутри суждения. «Семантическая анафоричность субъекта создает необходимый для понимания новой информации фон» [3, с. 323].

Такие имена, как *факт, событие, ситуация* и др., постоянно вступают в анафорические и катафорические отношения в тексте, замещая или вводя пропозициональные конструкции, номинализации и даже целые фрагменты текста. Этот момент перехода от предложения или его предиката к имени особенно интересует исследователей текстовых отношений [4, с. 102]. Под номинализацией понимается тот тип субстантивации, который базируется на предикате высказывания и составляет семантический эквивалент его пропозитивной части, ср.: *Арест преступника всех обрадовал*. Полные по форме номинализации пользуются отглагольными и отадективными существительными со значением действия, процесса, состояния, бытия, пребывания, осуществления, свойства, качества, отношения и события [4, с. 105].

Специально интересуясь проблемой перехода конкретных значений в абстрактные и, в частности, преобразованием предметного значения в темпоральное, М. М. Покровский пи-

сал: «Вообще не следует удивляться тому, что язык часто пользуется конкретными именами для обозначения то времени, то самого действия потому, что подобное употребление вызвано потребностями и указаниями действительной реальной жизни» [10, с. 43]. Более того, Н. Д. Арутюнова подчёркивает необходимость «динамического» осмысления субъекта. Предложение *Водопроводчик помешал Петру* сообщает не об отношениях между людьми, а об отношениях между событиями, участниками которых являются люди. Приведенное предложение, по мнению Н.Д. Арутюновой, должно прочитываться как «приход водопроводчика помешал Петру работать» или же иначе. Таким образом, соответствие лексического значения слова и того отношения, термином которого оно является, зиждется на согласовании понятий пространственно-предметного плана, с одной стороны, и событийно-временного – с другой [2, с. 124].

Н.Д. Арутюнова выделяет основные категории имен с очевидными событийными коннотациями:

1) имена лиц, чем-либо известных в данном обществе, т.к. относятся не столько к единичной физической сущности, сколько к единичному событию в общественной или культурной жизни, «событийная» интерпретация позволяет употреблять их вместо пропозиций, не создавая семантических лагун [2, с. 144];

2) имена мест, где разыгрались какие-либо события – топонимика;

3) существительные, обозначающие нестандартные детали предмета или лица, с регулярными событийными коннотациями – *мозоли, язва, сыпь* (овеществленные недуги), *снег, грязь, лужи* (обозначающие не предметы, а свойства предметов) – служат полноценными эквивалентами пропозиции;

4) названия неотъемлемых частей предмета (*Нос ее не портит*);

5) имена лиц, ассоциирующиеся с действиями, поступками, поведением (часто не требуют развертывания в пропозицию: *Гости всех утомили*, тогда как предложения с именем предмета воспринимаются как не совсем корректные: *Кресло помогло мне*; в предложении *Пётр мешал мне работать* помехой был не Пётр как субстанциональная и психическая сущность, а некоторые его действия или ситуация, за которую он несет ответственность) [2, с. 150].

Как видно из примеров, предметный субъект может утрачивать предметную референцию и расшифровка смысла предложения требует его развертывания в пропозицию.

Современная логика, а вслед за ней и лингвистика часто прибегают к понятию пропозиции. Понятие пропозиции видоизменялось в ряде логико-философских школ: сначала оно соответствовало целостному суждению как определенной форме мысли; затем оно было определено как «объективированное» содержание мысли, отделенное от субъективной модальности и непосредственно соотнесенное с обозначаемым положением дел; наконец, термин «пропозиция» был применен к значению той части предложения, той семантической структуре, которая способна соединяться с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта. Согласно Н.Д. Арутюновой, понятие пропозиции чрезвычайно полезно, т.к. составляет ту основу, на которой держится здание пропозитивной семантики. Пропозиция понимается как семантическая структура, объединяющая денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит центральная позиция [2, с. 37].

Отношения между пропозицией и ситуацией были рассмотрены в работах Т. П. Ломтева. Согласно интерпретации Т. В. Шмельевой, пропозиция может пониматься как единица семантической системы языка, причем одна ситуация предполагает целый ряд пропозиций, величина которого зависит от характера ситуации и от числа ее возможных «поворотов» [12, с. 44]. Пропозитивные значения фиксируются словарем, а в случае отсутствия особого предиката для ситуации – ее стандартного номинанта – язык прибегает к аналитическим номинациям, в которых используются глаголы «классной» семантики в соединении с пропозитивными именами, наречиями и квалификаторами. Следовательно, в словаре фиксируется некоторая картина мира в наборе возможных событий, однако она легко может расширяться и изменяться, уточняясь, например, за счет нестандартных, в частности, аналитических пропозитивных номинаций [12, с. 46].

Существуют также мнения о том, что в современной синтаксической литературе термины *событие* и *ситуация* часто используются как синонимы термина *пропозиция*, хотя этими терминами естественно обозначать денотат предложения, а за *пропозицией* целесообразно закрепить значение интеллектуальной модели события, которую предложил Т. П. Ломтев. Интеллектуальное «моделирование» события

касается, во-первых, степени информативности, определяющейся отбором элементов ситуации и включением/невключением их обозначения в словесную организацию предложения, во-вторых, распределения ролей между актантами и, наконец, конфигурации актантов, определяющейся выбором исходного элемента ситуации, в качестве которого может выступать любой [12, с. 42].

В некоторых современных интерпретациях имена с осложненной семантикой именуется «пропозитивной лексикой», способной передавать информацию о ситуации в целом. По мнению М. А. Кормилициной, употребление конкретных имен в пропозитивном значении дает нам максимально свернутые конструкции, свойственные и первичные прежде всего для разговорной речи. Огромную роль в коммуникации играет общность апперцептивной базы участников речевого акта, что позволяет не называть важных для понимания высказывания компонентов без ущерба для целей коммуникации. Опущенные языковые формы присутствуют в сознании говорящего и слушателя в виде ситуации, контекста, знания предмета беседы, т.е. в виде обязательно присутствующих в сознании понятийных категорий [8, с. 109].

По мнению Н. Д. Арутюновой, там, где конкретная лексика занимает место имён пропозитивного значения (названий качеств, свойств, состояний), она оказывается менее эксплицитной и в некотором роде менее конкретной, чем слова отвлечённой семантики. Имя лица или предмета может скрывать за собой любое из возможных качеств, действий или происшествий, и понимание сообщения будет зависеть от осведомлённости или догадливости адресата [2, с. 123]. Проиллюстрируем данное положение примерами из художественной литературы. К примеру, в предложении *Платок сводил меня с ума* [1, с. 257] предметное имя *платок* обозначает целую ситуацию, когда посредством платка можно получить огромное наследство отца. Или же предметное имя может относиться к составляющей части целого и обозначать известное качество, как слово *имбирь* в предложении *Имбирь, понимаете, ожесточает человека* [5, с. 41], – имбирь входит в состав определенного напитка и особым образом влияет на поведение человека.

Семантическая достаточность конкретной лексики в положении, предназначенном для пропозиции, связана с действием ряда причин: 1) замена пропозиции конкретной лексики

кой не идет в ущерб содержанию высказывания тогда, когда его коммуникативное содержание (смысл предиката) приведено в соответствии с конкретно-предметным смыслом существительного; 2) в других случаях «информативный голод» утоляется характером имени предмета, которое обладает очевидными событийными коннотациями. В некоторых случаях событийный аспект предметного субъекта, т.е. та пропозиция, которую он замещает, может быть извлечен из предтекста [2, с. 142]. По другой терминологии, подобные имена, занимающие в предложении позицию предикативно определяемого компонента, представляют собой номинализованную пропозицию [6, с. 144].

Г.А. Золотова приводит группу конкретных имен со значением инструментатива-каузатора действия, реализующих событийный аспект: *Мяч разбил окно; Ключ открывает дверь; Бульдозер разравнивает дорогу*, а также группу отвлеченных имен в роли каузатора действия, состояния, признака каузируемого субъекта: *Отсутствие писем меня беспокоит; Шум разбудил привратника; Новость всех обрадовала* [7, с. 25].

Детально и развернуто процесс означивания ситуации и употребление подобных осложненных структур в речи рассматривает И.П. Сусов в работе «Семантический анализ предложения в реляционном аспекте (строение ситуации как означаемое реляционной структуры)». Точкой отсчета в человеческой деятельности любого рода, в том числе и в речевой, является объективная действительность. Объективный мир в концепции И.П. Сусова выступает как совокупный денотат системы языковых знаков и всего множества речевых высказываний. Денотатом словосочетания или предложения является, как правило, сложный объект, ансамбль отдельных элементов. Такой ансамбль взаимосвязанных элементов именуется ситуацией [11, с. 15]. «Каждая ситуация есть иерархия элементов, причем тот или иной элемент ситуации принадлежит либо к множеству предметов, либо к множеству признаков» (Там же, с. 35). Интерпретация значения предложения, по мнению И.П. Сусова, субъективна постольку, поскольку оно предопределяется точкой зрения говорящего на репрезентируемую ситуацию, а не задается самой ситуацией. Говорящий представляет ситуацию так, что один из ее предметов мыслится в качестве носителя признака и связь этого признака с данным предметом (независимо от того, существует ли она в действительности или нет) выступает в

качестве привнесенного, утверждаемого говорящим [11, с. 60].

Подобную точку зрения высказывает Г.А. Золотова: «Структуру ситуации, ее членение мы представляем лишь так, как она отражена в нашем языковом сознании» [6, с. 17]. Анализ фактологического материала показал, что в работах некоторых исследователей представлен неполный набор языковых средств, которые могут в речи обозначать субъектно-интерпретируемые ситуации. Язык располагает гораздо большим арсеналом средств репрезентации категории ситуативной субъектности, из которых особый интерес представляет группа слов с компонентом ситуативности в значении. Причем понятие ситуативности определяется нами как более широкое по семантическому охвату, чем понятие событийности (Арутюнова 2002; Кацнельсон 2002; Золотова 1988), т.к. включает в себя не только понятие события, но и факт, явление, состояние, свойство, качество, поступок, действие, процесс и другие непредметные, а также предметные референции – см. нашу статью «Проблема ситуативной референтности субъектного имени. Событие и ситуация» (МГЛУ, 2010 г.). Рассмотрим способы репрезентации категории ситуативной субъектности в русском языке посредством элементов, в семантике которых обнаруживается ситуативный компонент.

1. Самую многочисленную группу представляют языковые единицы с элементом процессуальности (25% от общего корпуса примеров): *Я, признаться, боялся, что гребля будет раздражать спину...* [9, с. 262]; *Отсев шел долго и мучительно* [1, с. 191]; *Ее ранние прогулки не смущали отца...* [5, с. 71].

2. Также многочисленны примеры использования экзистенциальных языковых единиц – со значением существования, явления, проявления (15%): *Такая жизнь научила меня скрытности и злопамятности.* [1, с. 251]; *Она готова была ждать некоторый срок, зная, что удовольствие придет непременно* [9, с. 152]; *Счастье сидело в ней пушистым котенком* [5, с. 80].

3. Многочисленны примеры использования единиц с компонентом локальности (8%): *Зеленый мир дышал бесчисленностью крошечных ртов, мешая проходить Грэю среди своей ликующей тесноты* [5, с. 42]; *Путь был долгим и трудным, но он преодолен* [1, с. 190].

4. Довольно частотны примеры использования языковых единиц с элементом ментальности – процесса умственной деятельно-

сти (6%): *Вспоминаю так занимало его, что он не чувствовал времени* [9, с. 73]; *Глубокая непобедимая вера, ликуя, пеннлась и шумела в ней* [5, с. 57].

5. Часто встречаются в речи качественные единицы – с элементом качественности – проявления качества (6%): *Натянутости, стыда в этой мысли уже не было...* [9, с. 214]; *Везде торжествовал свет* [5, с. 42].

6. Используются также темпоральные языковые единицы (3%): *Десять лет скитальческой жизни оставили в его руках очень немного денег* [5, с. 5]; *Утро к ней не шло: лицо было бледное, опухшее, и желтые волосы стояли дыбом* [9, с. 55].

Для обозначения ситуаций говорящие часто прибегают к элементам, в языковом значении которых нет компонента ситуативности и которые реализуют ситуативный потенциал только в речи, в контексте, во взаимодействии с другими языковыми единицами.

1. Самыми частотными являются субстанциальные имена (22%), которые могут реализовать в речи различные значения: *... на чем, с некоторой досадой на исключение, отдыхал глаз, – был мешок картофеля* [5, с. 51] – человек радовался при взгляде на предмет; *Калитка издала странный жужжащий звук* [9, с. 129] – кто-то вошел; *Весь пароход гудит, но подробности пока мало кому известны* [1, с. 244] – люди на пароходе обсуждают тему; *Рубашка почесывает, это приятно* [9, с. 262] – рубашка трет спину при движении; *Следствие подобралось к нему слишком близко, круг сжимается* [1, с. 236] – круг подозреваемых.

2. Местоимения (12%) используются в речи как замена не только других имен, но и целых событий, действий, качеств и проч.: *Он длился всего четыре дня...* [9, с. 111] – его роман с женщиной; *Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками* [5, с. 76] – истина бытия; *Это случилось в библиотеке* (Там же, с. 29) – Грэй увидел картину с кораблем и решил стать капитаном; *Все было уже сделано на голой сцене, перед темным и пустым залом* [9, с. 214] – репетиция убийства.

3. Имена собственные, а также имена, обозначающие одушевленный предмет, также используются с ситуативной референтностью (3%): *«Лонгрен утопил Меннерса!»* [5, с. 9] – Лонгрен видел, что Меннерса уносит в море и не помог намеренно; *Подлец Гош выставил ее на всеобщее осмеяние, унизил, облил грязью* [1, с. 266] – то, что он рассказал.

Таким образом, описание семантической структуры предложения, выражающего некую мысль и описывающего отражаемую в данной мысли ситуацию, предполагает тем самым проникновение в логическую структуру мысли и логическую структуру ситуации.

Литература

1. Акунин Б. Левиафан. Екатеринбург, 2006. 304 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2002. 384 с.
3. Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта // Изв. Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38, №4. С. 323 – 335.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
5. Грин А. Алые паруса; Блистающий мир; Золотая цепь; Рассказы. М.: Худож. лит., 1986. 512 с.
6. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2001. 368 с.
7. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
8. Кормилицына М.А. Репрезентация категорий субъекта и объекта в семантически осложненных высказываниях устной речи // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней: межвуз. науч. сб. Уфа, 1988. С. 108 – 114.
9. Набоков В.В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Изд-во «Правда», 1990. Т. 1. 415 с.
10. Покровский М. М. Соображения по поводу изменения значения слов // Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский. М., 1959. 345 с.
11. Сусов И. П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения в современном немецком языке). Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1973. 133 с.
12. Шмелёва Т. В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева // Филол. науки. 1983. Вып. 3 (135). С. 42 – 48.

Propositional interpretation of subject and ways of representation of situational subjectivity category

There is substantiated the necessity of propositional interpretation of a sentence subject, considered the cases of situational reference of subject name, as well as the category of names with obvious event connotations.

Key words: *proposition, sentence semantics, subject, nominalization, propositional vocabulary.*